

Син Чжаоюэ чувствовал, как голова наливается тяжестью. Если бы Цзян Линь решил сейчас что-то с ним сделать, у того не хватило бы сил даже стиснуть зубы от ярости. Рука Цзян Линя продолжала лениво поглаживать его поясницу, но делал он это вовсе не ради ласки — он надавливал на акупунктурные точки. Воздействие оказалось куда сильнее любого снотворного: Син Чжаоюэ ослаб настолько, что не мог пошевелить даже пальцем.

— Угх... — Син Чжаоюэ попытался выругаться, но из приоткрытых губ вырвался лишь беспомощный стон.

Рука Цзян Линя резко замерла. В его глазах вспыхнуло пламя, он склонился к самому уху Син Чжаоюэ и прошептал:

— Красавец, от твоего голоса можно лишиться рассудка. Я едва сдерживаюсь, что же мне делать?

Син Чжаоюэ, словно рыба на разделочной доске, не мог оказать никакого сопротивления, лишь гневно сверкал глазами.

Цзян Линь, положив руку на сердце, вовсе не хотел пользоваться чужой беспомощностью. Но разве останется мужчина равнодушным, когда в его объятиях лежит такой красавец? Он не удержался и повел рукой ниже, сгорая от желания немедленно завладеть этим человеком.

Когда его ладонь скользнула к бедрам, он почувствовал, как тело в его объятиях мелко вздрогнуло. Глаза Син Чжаоюэ, казалось, вот-вот извергнут пламя, от которого температура тела самого Цзян Линя продолжала расти.

Больше не в силах сдерживаться, Цзян Линь прижал затылок Син Чжаоюэ к себе и впился в его губы страстным поцелуем.

...

Последовала череда яростных поцелуев и объятий. Цзян Линь совершенно забыл о том, что нужно продолжать воздействовать на точки на пояснице, и в итоге едва не получил звонкую пощечину, которая могла бы пригвоздить его к кровати.

Цзян Линь вышел из хижины, прикрыл дверь и, держа в руках миску, потянулся. На кончике языка, казалось, до сих пор оставался вкус Син Чжаоюэ. Он был уверен: если бы они зашли дальше, этот колючий котенок не просто отвесил бы ему пощечину, а, пожалуй, свернул бы ему шею!

Цзян Линь тихо рассмеялся:

— А этот красавец весьма занятен.

Внутри хижины Син Чжаоюэ лежал на кровати. Это место было сущим развалюхой: даже одеяла не нашлось, а подстилка из нескольких лоскутков ткани явно видела лучшие времена. К счастью, на юге стояла жара, и плесень не успела завестись. Син Чжаоюэ запахнул одежду и закрыл глаза, но сон не шел. На душе было тошно.

Подумать только: он, законный наследный принц Да Ци, докатился до такого положения — отдаться на милость этого мужчины. Вспомнив, что произошло минуту назад, Син Чжаоюэ не знал, плакать ему или смеяться. А что остается? Приходится терпеть. Вот вернется он в Столицу, тогда и поквитается с этим наглецом!

В подобных раздумьях он сам не заметил, как провалился в беспокойный сон. Когда он очнулся, уже смеркалось. В животе предательски урчало — за два дня бегства и беспамятства у него во рту не было ни крошки. Тело ныло уже меньше, но рана на спине продолжала саднить.

— ... — Син Чжаоюэ лежал без движения, не в силах заставить себя встать. Вспомнив о прежней жизни в Восточном дворце, он лишь горько усмехнулся: нынешнее существование было хуже смерти.

Дверь снова отворилась, и в комнату поплыл аппетитный аромат. Син Чжаоюэ недовольно поморщился и повернул голову. На пороге стоял Цзян Линь, держа в руках жареного кролика.

— Очнулся? Вставай, перекуси. — Цзян Линь, казалось, обладал неиссякаемым запасом энергии и тепла. Он без тени смущения подошел, приподнял Син Чжаоюэ и протянул ему тушку.

Син Чжаоюэ молчал.

— Что такое? Хочешь, чтобы я тебя покормил? — Цзян Линь оторвал кроличью ножку, поднес к самым губам Син Чжаоюэ и, широко открыв рот, скомандовал: — А-а!

Син Чжаоюэ взял мясо, облизнул губы и под пристальным взглядом Цзян Линя откусил кусочек.

Приходилось признать: этот негодяй неплохо готовит. Мясо получилось сочным, с поджаристой корочкой. Вот только соли маловато! Впрочем, не стоит придирааться — в глуши, среди диких гор, не до деликатесов.

Покончив с едой, Син Чжаоюэ бросил взгляд на невозмутимого Цзян Линя и с сомнением спросил:

— А ты... сам не будешь?

Цзян Линь опомнился. Он засмотрелся на то, как изящно этот человек ест, несмотря на два

дня голода, и невольно подумал, что благородное воспитание ничем не скроешь.

Цзян Линь оторвал вторую ножку, протянул Син Чжаоюэ, а затем принялся за еду сам.

— Как же ты умудрился навлечь на себя гнев тех убийц? — спросил он.

Син Чжаоюэ смущенно принял угощение:

— Должно быть, семейный бизнес задел чьи-то интересы.

Цзян Линь опустил взгляд на Син Чжаоюэ. Тот старательно жевал мясо, на губах остались следы жира, но выглядел он при этом удивительно утонченно и даже покладисто. Цзян Линю вдруг стало совестно его обижать.

Почувствовав на себе взгляд, Син Чжаоюэ поднял голову, а затем добавил:

— Можешь звать меня Юэхэн.

— Юэхэн. Красивое имя, — отозвался Цзян Линь. Хотя фамилии Юэ не существовало, он не стал задавать лишних вопросов. В столь юном возрасте столкнуться с такой погоней — неудивительно, что парень проявляет осторожность. Пусть его недоверие и раздражало, но Цзян Линь был готов потерпеть.

Син Чжаоюэ протянул флягу обратно, и Цзян Линь, не задумываясь, приложился к тому же месту, из которого пил его спутник. Син Чжаоюэ дернул уголком рта. Ну что ж, времена тяжелые, не стоит обращать внимание на такие мелочи. К тому же, не он же пил вторым...

<http://bllate.org/book/18639/1794924>